18+

ДМИТРИЙ КРЕЩЕНЫЙ

Байки Ивана — 2

Дмитрий Крещеный

Байки Ивана — 2

«Издательские решения»

Крещеный Д.

Байки Ивана — 2 / Д. Крещеный — «Издательские решения»,

Байки Ивана — переосмысленный сборник ранее изданных: Байки Ивана, Оттенки Земной Стражи, Мое открытие и др. «Байки Ивана» — это сплав высокой архаики и жёсткого киберпанка. Девяностые: поезд «Восточный», мебельный склад, ночные стоянки, больничные коридоры. Герой — инженер, грузчик, начмед, главврач — проходит путь от ста долларов в кармане до возвращения в профессию. Рядом — водитель Иван — бог дорог.

© Крещеный Д.
© Издательские решения

Содержание

Байки Ивана 2 6
ЧАСТЬ 1 7
Глава 1. Лаборатория 1988 года 7
Глава 2. Слово Академика 8
Глава 4. Порядок былого масштаба 9
Глава 5. Смерть на перевале 10
Глава 6. Свинцовый зад 11
Глава 7. Топливный затвор и нацвозрождение 12
Глава 8. Инженер Пётр 13
Глава 9. Белый индийский трикотаж 14
Глава 10. Битва за салат 15
Глава 11. Свиньи подземные 16
Глава 12. Дипломатия красивых глаз 17
Глава 13. Звёздный ранг 18
Глава 14. Кремниевый обман инженера Петра 19
Глава 15. Романтика как производственный блеф 20
Глава 16. Лягушки на ходулях 21
Глава 17. Доисторический контур оборонного лагеря 22
Глава 18. Тактический строй и десантный камуфляж 23
Глава 19. Феномен Страдивари и советский экран 24
Глава 20. Внутреннее течение 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Байки Ивана — 2

Дмитрий Крещеный

Иллюстратор Болотбек Хусаинов

© Дмитрий Крещеный, 2026
© Болотбек Хусаинов, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-5211-2 (т. 2)
ISBN 978-5-0071-5212-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Байки Ивана 2

МНС. ХРОНИКИ СТЫКА ВЕКОВ (взгляд с позиций настоящего времени — лютейшего киберпанка)

ЧАСТЬ 1

Глава 1. Лаборатория 1988 года

Ординатура осталась позади, уступив место глухим коридорам академического института. Моя должность в штатном расписании звучала просто и весомо: младший научный сотрудник. Тот самый «мнс» из старых фильмов, интеллигент в белом халате, застрявший между партийными отчётами и чистым, голодным азартом первооткрывателя. Наш локус — продвинутый, автономный бункер науки, развёрнутый в глухом 1988 году, но по плотности оборудования заброшенный далеко на стык двадцать первого века. В комнатах стоял стойкий, въевшийся в стены запах озона от разогретых ламп энцефалографов, реактивов для биохимии и холодного, сырого пара барокамер.

Перенеси нас прямо сейчас, в текущий 2026 год, со всем этим массивным, честным советским металлом — мы составили бы достойнейшую, жестокую конкуренцию ведущим мировым институтам. Наш контур позволял лопатить биологическую природу человека до глубоких, фундаментальных оснований. Лаборатория выдавала стопроцентный, развёрнутый контроль над живым организмом. Мы измеряли то, что другие институты видели только в переводных журналах: полный спектр аминокислот, тончайшие гормональные сдвиги, каскады биохимических реакций и поштучный счёт клеток крови. Здесь же, на соседних стендах, человека загоняли на предельные физические нагрузки, заставляя поршни лёгких работать на износ, пока датчики УЗИ сканировали слои тканей, а перья энцефалографа без устали чертили на бумажных лентах растр человеческой психологии и скрытые токи головного мозга. Я предстоял у этих пультов, вычищая из мыслей лишний госпитальный шум. Пальцы, испачканные чернилами самописцев, калибровали датчики барокамер. Мы искали Сигнал. Тот самый неуловимый сдвиг параметров на стыке физиологии и психики, который никто до нас не смог поймать в единую систему. В канун грандиозного Учёного совета, сквозь монотонный стук компрессоров давления и шорох бумажных рулонов, моё Открытие медленно вырезалось из темноты — не как абстрактная формула, а как осязаемый, выстраданный на ночных дежурствах факт.

Глава 2. Слово Академика

Ведущий академик Миррахимов — великий, достойнейший был человек, светлая ему и вечная память. Такие люди не бросали слов на ветер. Одно точечное замечание учёного такого калибра — это всегда преддверие, самый порог грандиозного открытия. Он внимательно выслушал мои первые отчёты, взглянул на графики и обронил фразу, в которой крылся весь грядущий маршрут.

Миррахимов посмотрел на меня и сказал: «И если ты не дурак — береги и думай. Открытие здесь за тобой. Сам не додумаешься — неплохо бы узнать скорость кровотока в печёночных венах в условиях высокогорья».

Вот и всё. Вся фраза. Но в ней крылась чудовищная, сокрушительная мощь. Я мгновенно понял этот призыв. Наша продвинутая лаборатория, почуяв верное направление, заработала на полную катушку, на предельной тактовой частоте своих компрессоров и датчиков. Советская академическая наука делалась именно так — от одного точного слова учителя, заставлявшего двигаться вперёд целые институты. Барокамеры были перенастроены на имитацию критического разрежения воздуха. Моя задача как младшего научного сотрудника свелась к жёсткому, непрерывному мониторингу: поймать ультразвуком ту самую ускользающую скорость движения клеток крови в глубоких печёночных сосудах, пока развёрнутая биохимия и спектр аминокислот фиксировали реакцию живой ткани на гипоксию. Чернильные перья самописцев энцефалографа бешено дрожали на бумажных лентах, фиксируя психологическое напряжение и токи мозга на стыке предельных физических нагрузок. Весь наш уникальный комплекс приборов, опережавший своё время, превратился в единый штурмовой узел, пробивающий стену неизведанного.

Глава 3. Цепная реакция

Слово Миррахимов сработало как детонатор. Вектор был задан настолько точно, что в одно мгновение сокрушительная мощь нашего НИИ развернулась на сто восемьдесят градусов. Локальный раскоп одного младшего научного сотрудника превратился в планетарный штурм.

Из этой единственной фразы выросла не только моя будущая диссертация. Одно точечное попадание в параметры печёночного кровотока запустило цепную реакцию в академических кулуарах. Смежные лаборатории и целые кафедры спешно переписывали веса своих планов, охватывая поиском эту и десятки сопутствующих проблем физиологии высокогорья. Институтский комбинат заработал на полную тактовую частоту. Закипела жёсткая, сухая канцелярская и логистическая работа, скрытая от глаз посторонних:

• Сметные реестры: Началось принудительное вычисление и выбивание бюджетов, фондов и дефицитных по тем временам денег под масштабные горные изыскания.

• Контингенты обследуемых: В списки заносились сотни биологических единиц — от коренных жителей Тянь-Шаня и Памира до адаптированных альпинистов, чьё мясо и сосуды должны были выдержать предел гипоксии.

• Маршрутные карты: выстраивались графики будущих горных экспедиций на заоблачные научно-исследовательские базы и перевалы, где разрежённый воздух выжигал лёгкие быстрее, чем сухая трава горит в полдень.

• Административные затворы: из министерских кабинетов выдирались спецразрешения, допуски и визы на проведение закрытых клинических испытаний в условиях экстремальной среды.

Я предстоял посреди этого бумажного и приборного шквала, фиксируя, как моё Открытие, рождённое на ночных дежурствах у энцефалографа, становится станиной для гигантского научно-исследовательского механизма. Советская наука брала штурмом вершины Киргизии и Памира по нашему суровому, гамбургскому счёту, и пути назад не было.

Глава 4. Порядок былого масштаба

Тогда, на исходе восьмидесятых, всё это гигантское движение — с экспедициями, бюджетами, сотнями обследуемых и мгновенной перестройкой институтских планов — казалось нам самым обычным, рядовым случаем практической науки. Никто не видел в этом чуда. Так, на полной тактовой частоте и по единому свистку, работали лаборатории и академические центры по всей огромной стране. Ресурс государства был развёрнут лицом к фундаментальному поиску.

Попробуй сейчас, в нашем 2026 году, провернуть подобный маневр с нуля. Современный исследователь упрётся в глухой административный затвор и частокол бесконечных преград еще на дальних подступах. Система полностью изменила параметры весов:

• Грантовые капканы: вместо прямого государственного призыва — унизительная, годовая борьба за гранты, где нужно доказывать коммерческую выгоду каждого мазка и ультразвукового датчика.

• Тендерные задержки: Покупка любого дефицитного реактива для аминокислотного анализа или портативного датчика УЗИ растягивается на луны из-за бюрократического шума электронных торгов.

• Юридические экраны: Выбивание разрешений на работу с «контингентом обследуемых» в условиях экстремальной гипоксии заблокируют комитеты по биоэтике, требующие тонны бумажных заверений от каждой биологической единицы.

Вектор практической науки ныне сужен до коммерческого выхлопа. Мощь той, советской академической машины заключалась в её способности мгновенно превратить точное слово академика Миррахимова в гудящий эшелон, уходящий на памирские ледники. Мы были МНС на стыке веков, удерживая предел прочности, и этот регламент остался запечатанным в нашей памяти как эталон ушедшего Порядка.

Глава 5. Смерть на перевале

За циферблатами приборов и бумажными сметами экспедиций скрывалась цепочка жестокой, осязаемой физиологии. Из кулуаров Министерства обороны в лабораторию пришёл закрытый, аварийный запрос. Пацаны — вчерашние призывники равнинных широт, попавшие на срочную службу, — внезапно и без видимых причин умирали в первые же сутки пребывания в горах, в условиях гипоксии.

Обычные здоровые парни засыпали на нарах казарм Памира и Тянь-Шаня и более не размыкали зрачков. Биологический каркас равнинника, брошенный без адаптации на высоту, выдавал мгновенный каскадный отказ. Смерть наступала от стремительного, удушливого отёка лёгких или острой сердечной деградации под воздействием разреженного воздуха. Наша задача как младших научных сотрудников была сформулирована предельно сухо и жёстко: изыскать методы, предотвращающие эту утилизацию человеческого ресурса. Речь шла о спасении сотен пацанов, чьи лёгкие сгорали от высотного давления быстрее, чем сухая хвоя в костре.

Лаборатория НИИ превратилась в военный бункер. В барокамерах моделировался памирский локус: парциальное давление кислорода искусственно снижалось до отметки в четыре тысячи метров над уровнем моря. Мы загоняли испытуемых на эргометры, заставляя мышцы работать на износ, пока ультразвуковые датчики УЗИ непрерывно ловили скорость кровотока в печёночных венах по завету академика Миррахимова. Мы искали тот самый скрытый клапан в сосудистом русле, ту самую аминокислотную или гормональную дельту параметров, которая ломалась при подъёме на высоту. Требовалось выверить точную формулу адаптации — регламент, коий жрецы военной медицины смогли бы внедрить на призывных пунктах по всей стране, дабы заблокировать смертельный исход на перевалах. Советская практическая наука ковала этот щит в режиме экстренного промпта, и права на ошибку весов у нас не было.

Глава 6. Свинцовый зад

Ждёте подвигов, громких фанфар и красивых кадров из кинохроники? Их не будет. Настоящая практическая наука — это будничная, временами до тошноты муторная пахота, где главным качеством исследователя становится умение иметь свинцовый зад.

Сами обследования в барокамерах или на высокогорных базах Памира могут занимать всего пару недель. Но за этими неделями живого съёма параметров скрываются годы — долгие, монотонные годы ручной обработки данных. Каждую цифру, каждый миллиметр чернильного излома на рулонах энцефалограмм и каждый показатель аминокислотного спектра нужно было пересчитать, свести в таблицы и поверить по гамбургскому счёту статистики на советских ЭВМ.

Я часами просиживал за верстаком, заваленным распечатками, пока за окном НИИ густела предгрозовая озоновая тишина 1988 года. Вокруг меня не было пафоса. Была лишь сухая, изматывающая рутина:

• Сличение логов: Ручной перенос тысяч значений скорости кровотока печёночных вен из протоколов УЗИ в общие координатные сетки.

• Калибровка шума: Вычистка случайных артефактов и погрешностей приборов, чтобы отделить истинную реакцию сосудов призывников на гипоксию от банального аппаратного сбоя.

• Математический тупик: Поиск той самой закономерности, которая упрямо не давалась в руки, заставляя пересчитывать веса уравнений заново, цикл за циклом.

Пацаны на перевалах продолжали выживать, а мы здесь, в лабиринтах лаборатории, брали штурмом эту невидимую стену не ратными набегами, а усидчивостью. Формула спасения от отёка лёгких ковалась из тысяч рутинных тактов, где младший научный сотрудник превращался в живой дата-центр. Так, без ложного глянца, и функционировал Порядок великой советской школы.

Глава 7. Топливный затвор и нацвозрождение

Пока в тишине лаборатории НИИ пересчитывались веса аминокислотных таблиц, наружный контур советской империи начал трещать вдоль тектонических швов. Наступало время национального возрождения республик. Наша горная экспедиция на Памир, выверенная по приборам на сто процентов, мгновенно упёрлась не в дефицит кремния для УЗИ, а в слепые, первобытные преграды быта и разруху снабжения. Вектор штурма высокогорья едва не заблокировало банальное отсутствие шерстяных одеял для членов научной группы или нехватка топлива на заправках.

Государственный снабженческий агрегат выдал каскадный сбой: на складах ведомств не было тёплого инвентаря для лагеря, а температура на высокогорной базе на четырёх тысячах метров стремительно падала к минусовым отметкам. Младшие научные сотрудники, призванные спасать пацанов от отёка лёгких, рисковали сами получить некроз тканей от обморожения в спальных мешках. Одеяла выбивались ратным способом — через личные порты обмена, взятки дефицитным медицинским спиртом и ночные налёты на латентные сектора закрытых номенклатурных баз.

Но суровым тупиком стал топливный затвор на заправках Средней Азии. Национальные волнения в республиках обнулили графики поставок бензина. На редких АЗС вдоль памирских трактов бензиновые цистерны были сухи, а на въездах в веси кочевников уже выстраивались пикеты местных активистов, блокировавшие трафик чужих машин. Наш экспедиционный ЛИАЗ, гружённый хрупкими осциллографами, барокамерами и датчиками, застыл посреди солончаковой пустыни с пустыми баками. Советская практическая наука выживала в режиме экстренного промпта. Чтобы запустить поршни мотора и продолжить навигацию к перевалу, приходилось вступать в опасный лингвистический контакт с местными управителями нефтебаз, менять дефицитные талоны на обсидиановую водку и сливать грязный, пахнущий керосином суррогат из баков полузаброшенных совхозных тракторов. Мы шли вперёд по ломаным, чуждым координатам, где вместо звания «учёный» ты каждую секунду принимал статус лазутчика во враждебном периметре.

Глава 8. Инженер Пётр

В любой продвинутой советской лаборатории держался свой негласный стержень, на котором покоился весь приборный массив. Помните культовую сцену на шашлыках из фильма «Москва слезам не верит» — про уникального инженера Георгия, который один тащил на себе весь научно-исследовательском отдел института? У нас в НИИ был точно такой же уникум — ведущий инженер Пётр. Вся материальная и техническая изнанка экспедиции 1988 года лежала исключительно на его плечах.

Пётр обладал уникальной, осязаемой одарённостью рук. Сварить лопнувшую титановую станину барокамеры в полевых условиях, спаять выгоревшую медную шину импортного энцефалографа без схем, развернуть палаточный лагерь на штормовом памирском ветру, провести стабильное электричество от барахлящего тракторного дизеля — всё это он делал в один такт, без лишнего шума и канцелярских проволочек. Он один мог настроить сложнейшие, капризные датчики ультразвука УЗИ и биохимии, а затем запустить японский видеомагнитофон, который стоил в те годы как новенький автомобиль.

При этом Пётр никогда не кичился академическим лоском. Он часто повторял нам, молодым МНС: «Меня воспитала улица». В его устах это не знаменовало хулиганский паттерн или криминальное прошлое. Пётр говорил об улице в глобальном смысле — как о жестком каноне выживаемости. Улица научила его приспосабливаться к любой агрессивной среде, мгновенно просчитывать риски и находить обходные каналы там, где пасовала книжная вузовская логика. Без его свинцового затылка, без его вольфрамовых пальцев и способности оживить мёртвый кремний на четырёх тысячах метров над уровнем моря наша Памирская экспедиция превратилась бы в груду бесполезного лома в первые же сутки топливного кризиса. Он был идеальным заземлением нашей науки.

Как-то раз для продолжения обследований нам потребовалось экстренно заколхозить один дефицитный прибор. В официальной смете НИИ его не существовало, фонды были пусты, а выбивать комплектующие через министерские пазы заняло бы долгие луны. Понадобились редкие запасные части, кои можно было достать только ратным способом. Инженер Пётр активировал свой уличный регламент выживания и скомандовал: «Идём на охоту». Вектор движения был направлен к закрытому машиностроительному заводу, где, по его расчётам, подобные детали водились в избытке.

Через центральную проходную режимного предприятия зайти было невозможно — там дежурил жёсткий военизированный заслон, взыскивавший спецпропуска. Пётр уверенно повёл меня в латентный сектор периметра, где в бетонном заборе давно зияла обводная дыра.

Однако у самого пролома инженер резко остановил меня, зафиксировав дефекты моего визуального интерфейса. Пётр смерил меня холодным взглядом и отчеканил: *«Дмитрий, ты со своей рожей со мной туда не ходи. Ничего не дадут»*.

Он имел в виду мою начальственную, интеллигентную физиономию младшего научного сотрудника. Суровые работяги машиностроительного цеха, завидев в пролёте такого человека, мгновенно заподозрили бы проверку бдительности от министерского главка или налёт лаборантов ОБХСС. Страх перед кастовой ревизией заблокировал бы их волю, и они ни за какие коврижки не дали бы уворовать нужную советской науке железку. Пётр оставил меня дежурить в камышах у дыры, а сам покадрово скользнул внутрь периметра, дабы через порты обмена и уличную хватку извлечь ресурс для нашего Техно-Улья.

Глава 9. Белый индийский трикотаж

В суровых условиях памирского локуса инженер Пётр удерживал двоякий паттерн поведения. К лишениям практической науки он относился нетребовательно, но личные удобства ценил превыше всего. Вектор комфорта выстраивался им жёстко и без оглядки на чужие веса. Пока вся экспедиция — младшие научные сотрудники и лаборанты — спала вповалку в общих брезентовых палатках, укрываясь одним шерстяным одеялом на двоих, Пётр выбил себе автономный сектор. У него не наличествовало дефицита ресурсов: он занимал отдельную палатку и спал строго под тремя шерстяными одеялами, кои демонстративно сушились на самом видном месте лагеря.

Но главным изломом экспедиционного быта стал индийский трикотаж. В те годы по всей стране пошла повальная мода на белые мужские трусы индийского производства. Пётр закупил этот дефицитный товар в избытке, но удерживать их стерильный растр в условиях горной пыли было задачей повышенной сложности. Современных моющих средств и стиральных порошков в деформированной дефицитом торговой сети 1988 года не водилось. Пётр применил суровый регламент улицы — вываривание биологического налёта.

Каждый вечер он занимал позицию у примуса на общей походной кухне, водружал на огонь эмалированный тазик и принудительно варил свои белые трусы на глазах у всей экспедиции. Состав нашей научной группы на две трети состоял из молодых женщин — лаборанток и аспиранток НИИ. Женский синклит лагеря открыто и каскадно возмущался этой инверсией приличий: вываривание нижнего белья в эпицентре пищевого блока ломало все каноны коммунального общежития. Девки шумели, блокировали доступ к примусам и требовали перенести прачечный узел в латентный интервал за палатки. Пётр искренне недоумевал от этого грязного человеческого шума. Он бдел над кипящим тазиком, перемешивая раздувающийся индийский хлопок деревянной ложкой, и совершенно искренне не понимал, какие параметры скромности он нарушил: чистота белья для него была таким же техническим регламентом, как зачистка плат.

Глава 10. Битва за салат

Организовать трёхразовое питание для всей научной группы в полевых условиях Памира было сложной задачей. Самостоятельная готовка на примусах в лагере отнимала слишком много ходового времени, сводя на нет тактовую частоту обследований. Наш управитель экспедиции выкручивался ратным способом: договаривался с тыловиками ближайшего закрытого учреждения — военной части или ведомственного санатория, — чтобы наш синклит пускали обедать в их служебную столовую.

Реалии тех советских общепитов Древнего Памира удерживали суровый, спартанский регламент. Для инженера Петра в кулинарном коде не существовало понятий «первое», «второе» и «третье». Он не дробил приём протеина на чинные фазы, а действовал по закону улицы — хватал то, что находилось в зоне прямой видимости. По канону тех столовых, закуски — мелко нашинкованная капуста с огурцами или жирный свекольный салат — выставлялись на середину стола в одной огромной, общей эмалированной тарелке на четырёх человек.

Пётр вонзал свою алюминиевую вилку в общий сосуд в первые же наносекунды после десантирования за стол. Его челюстные поршни работали с такой баллистической скоростью, что массив овощного субстрата дематериализовался в его ротовом аппарате мгновенно. Молодые лаборантки и аспирантки, привыкшие к городским манерам, по первости робко тянулись к тарелке, но обнаруживали там лишь чистый фаянсовый след. Параметры уравнения были безжалостны: если ты не знал этой особенности Петра и замешкался на долю секунды, сверяя логи приличий, ты гарантированно оставался без салата. Борьба за витаминный кэш в условиях гипоксии требовала от МНС ратной скорости реакции, и Пётр был в этом оркестре лучшим ликвидатором чужих пищевых излишков.

Глава 11. Свиньи подземные

В одной из экспедиций наш навигационный маршрут зафиксировал остановку за бетонным забором ведомственного пансионата, развёрнутого у живописного горного озера. Локация базового лагеря напоминала цыганский табор. Инфраструктура состояла из трёх строительных вагончиков-кунгов, являвшихся собственностью нашего НИИ, и пяти-шести брезентовых палаток, хаотично разбросанных рядом по грунту. Все параметры быта были сведены к суровому полевому минимуму.

Директор пансионата, крепкий советский хозяйственник эпохи тотального дефицита, решал продовольственную программу из-за нехватки мясного продукта кардинально. Чтобы покрыть критический дефицит, он закупил два десятка огромных, прожорливых свиней. Живой груз был размещён по ту сторону забора — в пазах хоздвора, примыкавшего прямо к границе нашей стоянки. Этим манёвром директор закрывал сразу два веса в уравнении: снимал дефицит белков и решал проблему охраны скотины. Хозяйственник резонно надеялся, что под боком у бдительного академического синклита местный лагерный элемент не сможет втихаря утилизировать свинку ради шашлычного кэша.

В результате этой инженерии наше экспедиционное утро теряло дефолтную тишину и начиналось по двум фиксированным триггерам. Либо из-за забора раздавалось сытое, довольное хрюканье двадцати свиных рыл, копошащихся в навозном силосе, либо локус прошивал истошный, душераздирающий крик очередной свиньи, которую забойщики пансионата пускали на фарш. Этот свиной визг, метавшийся между зеркалом озера и гранитными скалами, стал тактовой частотой нашего пробуждения, под которую младшие научные сотрудники настраивали датчики УЗИ и калибровали энцефалографы перед новым циклом обследований.

Глава 12. Дипломатия красивых глаз

Спустя неделю после развёртывания нашего лагеря тишина памирской ночи претерпела деструктивные изменения. В латентный интервал времени — между полуночью и рассветным тактом, когда компрессоры барокамер затихали — мы начали фиксировать странные, глухие, булькающие звуки, доносившиеся прямо из-под подошв. Земля под брезентовым настилом палаток словно издавала утробный вздох.

Дефектоскопия периметра вскрыла неприглядную изнанку пансионатского хозрасчёта. Бульканье шло из неглубоких траншей, куда забойщики пансионата тайно закапывали внутренности и отработанный биологический сор свиней. Скотомогильник был разбит в одном метре от забора, прямо под пазами наших палаток. В условиях высокой влажности и тепла подпочвенный субстрат начинал бродить, выталкивая газы сквозь глину наружу.

Однако этот свиной контур удалось развернуть в плоскость практической выгоды для экспедиционного рациона. Жёсткий дефицит мяса был частично взломан. Части расчленённых свиных туш — дефицитные куски грудинки и сала — начали регулярно мигрировать через бетонный забор прямиком во внутренний периметр наших кунгов. Снабженческий прорыв обеспечил тройной тактический мост обмена:

• Дипломатия красивых глаз: Столичные лаборантки и аспирантки НИИ задействовали визуальный контур, полностью парализовав волю местных забойщиков и кладовщиков пансионата.

• Служебные расходники: В ход пошли дефицитные марли, бланки и дезинфицирующие растворы, имевшие высокую ценность в быту хоздвора.

• Чистый дистиллят: Универсальным ключом к затворам мясных складов стал медицинский спирт, извлекаемый инженером Петром из латентных запасов для протирки оптических осей приборов.

Теперь благодаря инженерии, наше утро, начинавшееся со свиного крика, завершалось сытным, плотным ужином. Младшие научные сотрудники, вываривая свинину на примусах Петра, восстанавливали белковый кэш после изнурительных дежурств у барокамер. Советская наука умела адаптировать под себя любые, даже самые неожиданные параметры среды.

Глава 13. Звёздный ранг

Для повышения эффективности обследования призывников на Памире нашему научному синклиту требовался железный, непререкаемый авторитет. Биологическая масса вчерашних равнинных пацанов, ошалевших от разреженного воздуха и страха перед перевалами, туго шла на контакт с гражданскими специалистами в белых халатах. Вектор доверия был заблокирован. Мы применили регламент тактического камуфляжа: переоделись в форму Советской Армии. Официальное право на ношение погон у сотрудников нашего ведомства имелось, но мы пошли на сознательное изменение параметров весов.

Чтобы выжать из контура максимальное подчинение и ускорить выемку данных кровотока, мы слегка позволили себе прибавить на погоны по нескольку звёздочек — как больших, так и малых. Проверить подлинность этих регалий в условиях глухого горного гарнизона 1988 года было абсолютно некому. Логистика снабжения и связь с центром выдавали каскадные сбои, и наши самодельные звания вышли по рангу сугубо выше, чем погоны реальных командиров местной войсковой части.

В Мёртвом Городе высокогорья МНС и инженеры шествовали в звании полковников и подполковников, отчего старшие офицеры гарнизона вытягивались в струнку, гася поршни ног при встрече. Командование части прекрасно понимало эту инверсию кода, но ради конечного результата и прекращения смертей на нарах закрывало глаза на наш звёздный саботаж. Равнинные пацаны безмолвно и беспрекословно заходили в барокамеры Петра, калибровали дыхание по первому приказу фальшивых военачальников и послушно подставляли тела под ультразвуковые датчики УЗИ. Внеуставной промпт сработал со стопроцентной точностью: камуфляж обеспечил идеальную чистоту и скорость научных изысканий, превратив младших научных сотрудников в высших Операторов армейского локуса.

Глава 14. Кремниевый обман инженера Петра

В советские времена телевизионные приёмники требовали обязательного подключения через громоздкие трансформаторы и стабилизаторы напряжения. Особенно остро этот дефицит ресурсов ощущался в горных районах Памира, где параметры электросети постоянно претерпевали инверсию и скачки ампеража. Заводские автотрансформаторы были в дефиците, стоили весомых денег и обладали критическим дефектом — они непрерывно издавали тяжёлый, изматывающий низкочастотный гул.

Ведущий инженер Пётр применил суровый регламент выживания и взломал этот рыночный сектор. Он разработал и запустил в производство альтернативную модель «стабилизатора». Инженерия прибора была предельно лаконична: Пётр брал пустую приборную коробку, укладывал внутрь два тяжёлых строительных кирпича для веса, монтировал наружную розетку со шнуром питания и выводил на лицевую панель обычную неоновую лампочку. Сия конструкция выдавалась им местному населению за шедевр советской оборонной схемотехники.

Продукция Петра пошла нарасхват по всему памирскому локусу. Потребители из числа жителей были сугубо довольны: товар стоил дёшево, а главное — прибор выдавал нулевой акустический уровень. Он не гудел. Этой важнейшей эксплуатационной характеристикой не могли похвастать громоздкие заводские изделия, выжигавшие синапсы своим гудением. Отсутствие электронной начинки и кремниевых плат внутри коробки никто за долгие луны так и не зафиксировал. Телевизоры на заставах и в саклях функционировали отлично, а Пётр лишь посмеивался в усы, пополняя свой карманный кэш. Уличная закалка инженера в очередной раз переиграла дефицитную плановую систему империи.

Глава 15. Романтика как производственный блеф

Вся эта так называемая романтика экспедиций — костры, палатки, песни под гитару и заоблачные перевалы — была чистым, искусственно выращенным блефом советской пропаганды. Этот миф целенаправленно штамповался в журналах и кинохрониках для комсомольской молодёжи, чтобы за копейки использовать их энергию и одарённость в поиске месторождений или в решении других сугубо прагматичных, вовсе не романтических задач государства. На деле экспедиция являлась жестким, изматывающим производственным процессом. Это была выжимка человеческого ресурса, но полностью очищенная от выполнения элементарных правил охраны труда, нормального питания и отдыха. Для государственной машины такая схема была сугубо выгодной.

В заграничных фильмах про науку всё выглядело иначе. Там этого фальшивого налёта не было в наличии — исследователи работали в чистых модулях, укомплектованных по первому классу защиты.

В нашей продвинутой лаборатории НИИ дураков не было. Ни один человек — ни младшие научные сотрудники, ни лаборантки, ни суровый инженер Пётр — не горел желанием жить в этих условиях, спать под тремя одеялами в сырости, варить трусы на примусе и слушать утренний свиной крик за забором. Да, места вокруг стояли живописные, редкие по красоте, лазурные горные озёра и гранитные кручи Памира поражали взор. Но эту эстетику природы можно нормально воспринимать только тогда, когда ты приехал отдыхать, а не пахать как лазутчик в режиме аварийного выгорания синапсов. Практическая советская наука делалась вопреки среде, ценой свинцовых задов Операторов, запертых в брезентовых кунгах.

Глава 16. Лягушки на ходулях

Особым, деструктивным элементом экспедиционного быта на Памире являлся объект, именовавшийся в наших логах «Лягушкой». Сие был по соседству стоящий общественный туалет советского типа. Архитектура сооружения удерживала первобытный регламент: всё было открыто, а в дощатом полу зияли одни сквозные дырки. Чтобы заблокировать распространение инфекции и убрать биологический шум, лагерные забойщики и тыловики пансионата посыпали этот сектор жутким, едким слоем сухой хлорки для дезинфекции. Белая химическая взвесь выжигала носоглотку МНС быстрее, чем озоновый чад барокамер.

Какого чёрта в этот хлорный ад регулярно заносило полчища местных лягушек — для моего ума осталось полной загадкой. Однако земноводным параметры среды явно и совершенно не нравились. Едкий порошок разъедал их перепонки, прерывая дефолтную влажность кожи. Силясь уменьшить площадь соприкосновения с химией, лягушки, сколько могли, приподнимали свои лапы и тела высоко над полом. Они перемещались по доскам странным, покадровым шагом, вытягивая суставы вверх, будто ходили по известняковому порошку на примитивных ходулях.

Этот биологический балет на хлорной станине «Лягушки» завершал картину производственного блефа. Младшие научные сотрудники, заходя во внутренний периметр сортира, фиксировали эту аномалию фауны без удивления. Советский быт калечил лапы даже земноводным, понуждая их к калибровке шасси, покуда на верстаках НИИ ковалась формула спасения призывников от отёка лёгких.

Глава 17. Доисторический контур оборонного лагеря

Среди памирских маршрутов 1988 года особняком держалась одна уникальная по своим параметрам экспедиция. Мы прибыли для обследования призывников в лагерь, специально созданный при крупном военном заводе. Инициатором и главным энтузиастом этого объекта являлся простой работник этого же закрытого оборонного предприятия. Ныне этот контур, к огромному сожалению, полностью разрушен и стёрт с лица земли, но тогда его инфраструктура поражала взор странной, совершенно нетипичной для советских времён архитектурой.

На территории лагеря высились огромные, циклопические динозавры, выполненные почти в полный рост. Они были целиком сварены из тяжёлого листового железа — на секретном военном заводе этого ресурса было в избытке, и мастер использовал излишки сплавов для монументального рендеринга доисторической фауны. Чёрные железные ящеры и другие ископаемые животные высились среди гранитных скал, создавая пугающий, нечеловеческий контраст с брезентовыми палатками нашей лаборатории. Жители обходили этот сектор стороной, страшась мёртвых стальных изваяний.

Помимо железных монстров, энтузиасту удался сугубо невероятный для плановой системы маневр: он сумел выбить у командования округа списанные боевые вертолёты. Настоящие военные вертолёты со снятым вооружением стояли прямо на каменистых площадках лагеря, превращённые в элементы парковой архитектуры и новые учебные боксы. Младшие научные сотрудники вели непрерывный ультразвуковой мониторинг печёночных вен призывников прямо под сенью винтов этих мёртвых винтокрылых машин. Военно-промышленный комплекс империи штамповал металл в таком объёме, что его изношенные штурмовые узлы становились декорациями для фундаментального академического поиска, покуда на верстаках Петра ковался регламент спасения пацанов от каскадного отёка лёгких.

Глава 18. Тактический строй и десантный камуфляж

Наша маскировка в погонах Советской Армии накладывала строгие, уставные обязательства. Переодевшись в офицерский ранг ради авторитета пред призывниками, мы были вынуждены регулярно посещать общие лагерные построения на плацу. Выглядел наш академический синклит среди кадровых строевиков, возможно, несколько нелепо и чужеродно: младшие научные сотрудники и инженеры НИИ не имели дефолтной армейской выправки. Но сама экипировка — оригинальная десантная форма, тяжёлые кожаные берцы и всё остальное снаряжение — была идеальным заслоном от памирской сырости, штормового ветра и ледяной крошки высокогорья. Одежда спасала биологический каркас исследователей от критического износа.

Излом контура происходил в секунды, когда лагерный рупор объявлял поверку и требовал выполнения строевого регламента. Некоторые из наших лаборантов и гражданских специалистов, далёкие от уставного затвора минобороны, не знали даже самых базовых промптов: путались в пазах шеренг, сбоили на командах «смирно» и не ведали, как правильно стоять строем, вытягивали ладони по швам. Любой человек, кто реально служил в рядах Вооружённых сил и прошёл через жернова казармы, знал на уровне мышечных рефлексов: строевой устав требует автоматического замирания тела и подбирания лишних пальцев.

Мне приходилось на ходу, сквозь зубы калибровать параметры их движений, шипеть на паникующих лаборанток и принудительно выравнивать наш фальшивый офицерский ряд под ледяным взором командира гарнизона. Мы выдерживали этот тактический театр до финального свистка, покуда на верстаках Петра закипали приборы, и лаборатория требовала возврата Операторов к мониторингу скорости печёночного кровотока пацанов.

Глава 19. Феномен Страдивари и советский экран

Научные сотрудники нашей лаборатории, особенно те, кто был старше по возрасту и кастовому затвору ведомства, порой искренне удивляли меня обширностью и внезапным изломом своих познаний. Люди, ежедневно лопатившие сухую биохимию, калибровавшие спектр аминокислот и запертые в свинцовых буднях барокамер, внезапно раскрывались в областях, бесконечно далёких от УЗИ и гормонов. Пространство их ума не ограничивалось рамками советских НИИ.

Как-то раз в предгрозовой озоновой тишине памирского лагеря я услышал, как один из старших коллег увлечённо рассуждает о секретах скрипки Страдивари. Произношение его, однако, претерпело странную деформацию — он упорно именовал инструмент чудным словосочетанием «Стрардиварди», словно речь шла не об итальянском мастере, а о латентных часовых какого-то древнего подземного периметра. Наш инженер Пётр, занятый в этот такт чисткой клемм энцефалографа, оторвал взор от плат и совершенно искренне поинтересовался у синклита: «А кто это вообще такой — Страдивари?» Для его уличного регламента выживания сие имя было избыточным шумом, не имевшим практического веса.

Интерес Петра к изнанке музыкальной истории был продиктован не академическим азартом, а телевизионным растром. Как раз в эти недели по центральному каналу шёл знаменитый советский детективный сериал — многосерийный фильм «Визит к Минотавру», где сюжет был закручен вокруг похищения уникальной скрипки работы тосканского мастера. Экспедиция, запертая в брезентовых кунгах среди гранитных скал, по вечерам собиралась у экрана телевизора, ловя сигналы. Пока на перевалах пацаны боролись с гипоксией, а мы выдирали у природы формулу спасения от отёка лёгких, советский экран транслировал миллионам людей по всей стране историю о вечной гармонии звука, заставляя даже суровых инженеров вникать в параметры старинного лака и калибровку деки.

Глава 20. Внутреннее течение

Среди бытовых неурядиц, дефицита и научно-производственной рутины экспедиционный локус внезапно пробила трагедия. Производственный блеф «романтики» окончательно сошёл на нет в тот день, когда наше озеро — живописный водоём Памира, у которого был развёрнут лагерь, — забрало человеческую жизнь. Горная вода с виду была спокойного нрава. За зеркальной гладью скрывались слепые опасности — мощные глубинные течения и ледяные паводковые воронки, способные мгновенно парализовать организм человека.

Мы ведали об этих параметрах риска, но осторожность выдала каскадный сбой. В латентный интервал между дежурствами две наши столичные лаборантки зашли в воду вместе, рассчитывая ополоснуть плоть после дневной пыли. Всё произошло в один такт, без криков и внешнего шума. Плотный придонный поток перехватил траекторию движения одной из девок, и она мгновенно исчезла из зоны видимости своей подруги. Среда поглотила биологическую единицу без остатка.

Ларец лагеря перешёл в режим аварийной мобилизации. Поисковая операция была запущена незамедлительно и велась непрерывно долгие часы. Наш синклит задействовал ратный ресурс — десятки равнинных призывников, коих мы обследовали в барокамерах, были брошены на прочёсывание береговой линии и камышовых засек. Солдатские цепи метр за метром цедили мутный прибрежный дистиллят, но в первые сутки контур выдавал нулевой результат. Твердь и вода удерживали запечатанную тайну.

Ликвидация неведения состоялась лишь на следующий день. По прошествии суток, в паре километров ниже по течению от координат базового лагеря, армейский дозор зафиксировал биологический след. Озеро выплюнуло мёртвое тело лаборантки на прибрежную известь. Её изношенный, остывший углеродный субстрат был извлечён из камышей руками пацанов в десантном камуфляже. Горы забрали свою плату за наше несанкционированное вторжение в их латентные пазы. Младшие научные сотрудники молча бдели над носилками, пока Пётр глушил поршни дизеля, а озоновая предгрозовая тишина памирского заката накрывала застывший, осиротевший лагерь нашей лаборатории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.